

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

К. Паустовский
**ЗАЯЧЬИ
ЛАПЫ**

Константин Георгиевич Паустовский
Заячьи лапы (сборник)
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6982176

Заячьи лапы: Детская литература; М.; 2014

ISBN 978-5-08-005217-0

Аннотация

В книгу входят рассказы и сказки о животных и природе среднерусской полосы. Они учат любить всё живое, быть наблюдательным, добрым и отзывчивым.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Вступительное слово	6
РАССКАЗЫ	9
Летние дни	9
Золотой линь	12
Последний чёрт	19
Заячьи лапы	30
Кот-ворюга	39
Резиновая лодка	46
Барсучий нос	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

К. Паустовский

1892—1968

Константин Георгиевич Паустовский Заячьи лапы

© Паустовский К. Г., наследники, 1937—1962

© Епишин Г. И., иллюстрации, 1987

© Составление. Издательство «Детская литература», 1998

© Оформление серии. Издательство «Детская литература», 2002

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступительное слово

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) родился в Москве. Кроме него в семье было ещё трое детей – два брата и сестра. Отец писателя был железнодорожным служащим, и семья часто переезжала с места на место: после Москвы они жили в Пскове, Вильно, Киеве.

Учился Константин в 1-й Киевской классической гимназии. Любимым предметом была русская литература, и, по признанию самого писателя, на чтение книг уходило больше времени, чем на приготовление уроков.

В 1911 году, в последнем классе гимназии, К. Г. Паустовский написал свой первый рассказ, и он был напечатан в киевском литературном журнале «Огни».

Константин Георгиевич переменял много профессий: он был водителем и кондуктором московского трамвая, рабочим на металлургических заводах в Донбассе и Таганроге, рыбаком, санитаром в старой армии во время Первой мировой войны, служащим, преподавателем русской литературы, журналистом.

После Октябрьской революции К. Паустовский в качестве репортёра бывал на заседаниях советского правительства, «был свидетелем всех событий в Москве в то небывалое, молодое и бурное время».

В Гражданскую войну Константин Георгиевич Паустов-

ский воевал в Красной армии. Во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом на Южном фронте.

За свою большую писательскую жизнь он побывал во многих уголках нашей страны. «Почти каждая моя книга – это поездка. Или, вернее, каждая поездка – это книга», – говорил К. Г. Паустовский. Он изъездил Кавказ и Украину, был на Волге, Каме, Дону, Днепре, Оке и Десне, в Средней Азии, на Алтае, в Сибири, Прионежье, на Балтике.

Но особенно горячо полюбил он Мещеру – сказочно красивый край между Владимиром и Рязанью, – куда приехал впервые в 1930 году. Там было всё, что привлекало писателя с самого детства, – «глухие леса, озёра, извилистые лесные реки, заброшенные дороги и даже постоянные дворы». К. Г. Паустовский писал, что Мещере он «обязан многими своими рассказами, „Летними днями“ и маленькой повестью „Мещерская сторона“».

В книгу «Заячьи лапы» входят рассказы из цикла «Летние дни» и несколько сказок. Они учат любить родную природу, быть наблюдательным, видеть в обычном необычное и уметь фантазировать, быть добрым, честным, способным признать и самому исправить свою вину. Эти важные человеческие качества так необходимы в жизни.

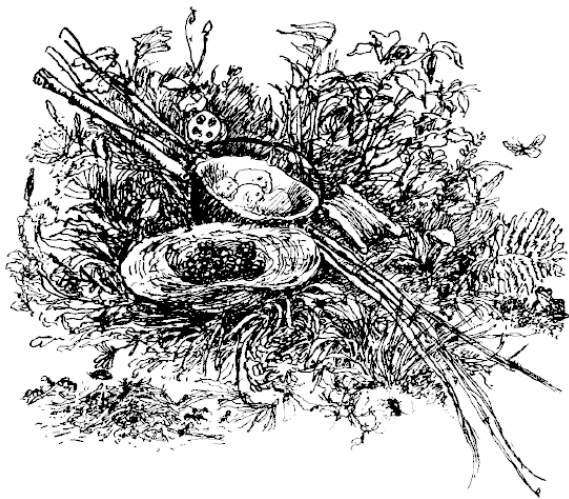
Нашему читателю хорошо известны и другие замечательные произведения Константина Георгиевича Паустовского: «Кара-Бугаз», «Колхида», «Чёрное море», «Тарас Шевчен-

ко», «Северная повесть», «Повесть о лесах», «Рождение моря», автобиографические повести «Далёкие годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», книга о писательском труде «Золотая роза» и др.

РАССКАЗЫ

Летние дни

Всё, что рассказано здесь, может случиться с каждым, кто

прочтёт эту книгу. Для этого нужно только провести лето в тех местах, где есть вековые леса, глубокие озёра, реки с чистой водой, заросшие по берегам высокими травами, лесные звери, деревенские мальчишки и болтливые старики. Но этого мало. Всё, что рассказано здесь, может случиться только с рыболовами!

Я и Рувим, описанный в этой книге, мы оба гордимся тем, что принадлежим к великому и беззаботному племени рыболовов. Кроме рыбной ловли мы ещё пишем книги.

Если кто-нибудь скажет нам, что наши книги ему не нравятся, мы не обидимся. Одному нравится одно, другому совсем иное – тут ничего не поделаешь. Но если какой-нибудь задира скажет, что мы не умеем ловить рыбу, мы долго ему этого не простим.

Мы провели лето в лесах. С нами был чужой мальчик; его мать уехала лечиться к морю и попросила нас взять её сына с собой.

Мы охотно взяли этого мальчика, хотя были совсем не приспособлены к тому, чтобы возиться с детьми.

Мальчик оказался хорошим другом и товарищем. В Москву он приехал загорелый, здоровый и весёлый, привыкший к ночёвкам в лесу, к дождям, ветру, жаре и холоду. Остальные мальчишки, его товарищи, ему потом завидовали. И завидовали не даром, как вы это сейчас увидите из нескольких маленьких рассказов.

Золотой линь

Когда в лугах покосы, то лучше не ловить рыбу на луговых озёрах. Мы знали это, но всё-таки пошли на Прорву.

Неприятности начались сейчас же за Чёртовым мостом. Разноцветные бабы копнили сено. Мы решили их обойти стороной, но они нас заметили.

– Куды, соколики? – закричали и захохотали бабы. – Кто удит, у того ничего не будет!

– На Прорву подались, верьте мне, бабочки! – крикнула высокая и худая вдова, прозванная Грушей-пророчицей. –

Другой пути у них нету, у горемычных моих!

Бабы нас изводили всё лето. Сколько бы мы ни наловили рыбы, они всегда говорили с жалостью:

– Ну что ж, хоть на ушицу себе наловили, и то счастье. А мой Петька надесь десять карасей принёс, и до чего гладких – прямо жир с хвоста капает!

Мы знали, что Петька принёс всего двух худых карасей, но молчали. С этим Петькой у нас были свои счёты: он срезал у Рувима крючок и выследил места, где мы прикармливали рыбу. За это Петьку, по рыболовным законам, полагалось вздуть, но мы его простили.

Когда мы выбрались в некошенные луга, бабы стихли.

Сладкий конский шавель хлестал нас по груди. Медунница пахла так сильно, что солнечный свет, затопивший рязанские дали, казался жидким мёдом.

Мы дышали тёплым воздухом трав, вокруг нас гулко жужжали шмели и трещали кузнечики.

Тусклым серебром шумели над головой листья столетних ив. От Прорвы тянуло запахом кувшинок и чистой холодной воды.

Мы успокоились, закинули удочки, но неожиданно из лугов приплёлся дед, по прозвищу Десять процентов.

– Ну, как рыбка? – спросил он, щурясь на воду, сверкавшую от солнца. – Ловится?

Всем известно, что на рыбной ловле разговаривать нельзя. Дед сел, закурил махорку и начал разуваться.

– Не-ет, нынче клевать у вас не будет, нынче рыба заелась. Шут её знает, какая ей насадка нужна!

Дед помолчал. У берега сонно закричала лягушка.

– Ишь стрекочет! – пробормотал дед и взглянул на небо.

Тусклый розовый дым висел над лугом. Сквозь этот дым просвечивала бледная синева, а над седыми ивами висело жёлтое солнце.

– Сухомень!.. – вздохнул дед. – Надо думать, к вечеру ха-а-роший дождь натянет.

Мы молчали.

– Лягва тоже не зря кричит, – объяснил дед, слегка обеспокоенный нашим угрюмым молчанием. – Лягва, милочка, перед грозой завсегда тревожится, скачет куды ни попало. Надьсь я ночевал у паромщика, уху мы с ним в казанкэ варили у костра, и лягва – кило в ней было весу, не меньше, – сиганула прямо в казанок, там и сварилась. Я говорю: «Василий, остались мы с тобой без ухи», а он говорит: «Чёрта ли мне в той лягве! Я во время германской войны во Франции был, и там лягву едят почём зря. Ешь, не пужайся». Так мы ту уху и схлебали.

– И ничего? – спросил я. – Есть можно?

– Скусная пища, – ответил дед. – И-и-их, милый, гляжу я на тебя, всё ты по Прорвам шатаешься. Хошь, я тебе пиджачок из лыка сплету? Я сплёл, милочка, из лыка цельную тройку – пиджак, штаны и жилетку – для выставки. Супротив меня нет лучшего мастера на всё село.

Дед ушёл только через два часа. Рыба у нас, конечно, не клевала.

Ни у кого в мире нет столько самых разнообразных врагов, как у рыболовов. Прежде всего – мальчишки. В лучшем случае они будут часами стоять за спиной, сопеть и оцепенело смотреть на поплавок.

Мы заметили, что при этом обстоятельстве рыба сейчас же перестаёт клевать.

В худшем случае мальчишки начнут купаться поблизости, пускать пузыри и нырять, как лошади. Тогда надо сматывать удочки и менять место.

Кроме мальчишек, баб и болтливых стариков у нас были враги более серьёзные: подводные коряги, комары, ряска, грозы, ненастье и прибывь воды в озёрах и реках.

Ловить в коряжистых местах было очень заманчиво – там пряталась крупная и ленивая рыба. Брала она медленно и верно, глубоко топила поплавок, потом запутывала леску о корягу и обрывала её вместе с поплавком.

Тонкий комариный зуд приводил нас в трепет. Первую половину лета мы ходили все в крови и опухолях от комариных укусов. В безветренные жаркие дни, когда в небе сутками стояли на одном месте всё те же пухлые, похожие на вату облака, в заводях и озерках появлялась мелкая водоросль, похожая на плесень, – ряска. Вода затягивалась липкой зелёной плёнкой, такой толстой, что даже грузило её не могло пробить.

Перед грозой рыба переставала клевать – она боялась грозы, затишья, когда земля глухо дрожит от далёкого грома.

В ненастье и во время прибыли воды клёва не было.

Но зато как хороши были туманные и свежие утра, когда тени деревьев лежали далеко на воде и под самым берегом ходили стаями неторопливые пучеглазые голавли! В такие утра стрекозы любили садиться на перьяные поплавки, и мы с замиранием сердца смотрели, как поплавок со стрекозой вдруг медленно и косо шёл в воду, стрекоза взлетала, замочив свои лапки, а на конце лески туго ходила по дну сильная и весёлая рыба.

Как хороши были краснопёрки, падавшие живым серебром в густую траву, прыгавшие среди одуванчиков и кашки! Хороши были закаты в полнеба над лесными озёрами, тонкий дым облаков, холодные стебли лилий, треск костра, криканье диких уток.

Дед оказался прав: к вечеру пришла гроза. Она долго ворчала в лесах, потом поднялась к зениту пепельной стеной, и первая молния хлестнула в далёкие стога.

Мы просидели в палатке до ночи. В полночь дождь стих. Мы разожгли большой костёр, обсохли и легли вздремнуть.

В лугах печально кричали ночные птицы, и белая звезда переливалась над Прорвой в чистом предутреннем небе.

Я задремал. Разбудил меня крик перепела.

«Пить пора! Пить пора! Пить пора!» – кричал он где-то рядом, в зарослях шиповника и крушины.

Мы спустились с крутого берега к воде, цепляясь за корни и травы. Вода блестела, как чёрное стекло; на песчаном дне были видны дорожки, проложенные улитками.

Рувим закинул удочку недалеко от меня. Через несколько минут я услышал его тихий призывный свист. Это был наш рыболовный язык. Короткий свист три раза значил: «Бросайте всё и идите сюда».

Я осторожно подошёл к Рувиму. Он молча показал мне на поплавок. Клевала какая-то странная рыба. Поплавок качался, осторожно ёрзал то вправо, то влево, дрожал, но не тонул. Он стал наискось, чуть окунулся и снова вынырнул.

Рувим застыл – так клюёт только очень крупная рыба.

Поплавок быстро пошёл в сторону, остановился, выпрямился и начал медленно тонуть.

– Топит, – сказал я. – Тащите!

Рувим подсёк. Удилище согнулось в дугу, леска со свистом врезалась в воду. Невидимая рыба туго и медленно водила леску по кругам. Солнечный свет упал на воду сквозь заросли вётел, и я увидел под водой яркий бронзовый блеск: это изгибалась и пятилась в глубину пойманная рыба. Мы вытащили её только через несколько минут. Это оказался громадный ленивый линь со смуглой золотой чешуёй и чёрными плавниками. Он лежал в мокрой траве и медленно шевелил толстым хвостом.

Рувим вытер пот со лба и закурил.

Мы больше не ловили, смотали удочки и пошли в дерев-

ню.

Рувим нёс линия. Он тяжело свисал у него с плеча. С линия капала вода, а чешуя сверкала так ослепительно, как золотые купола бывшего монастыря. В ясные дни купола были видны за тридцать километров.

Мы нарочно прошли через луга мимо баб. Они, завидев нас, бросили работу и смотрели на линия, прикрыв ладонями глаза, как смотрят на нестерпимое солнце. Бабы молчали. Потом лёгкий шёпот восторга прошёл по их пёстрым рядам.

Мы шли через строй баб спокойно и независимо. Только одна из них вздохнула и, берясь за грабли, сказала нам вслед:

– Красоту-то какую понесли – глазам больно!

Не торопясь мы пронесли линия через всю деревню. Старухи высовывались из окон и глядели нам в спину. Мальчишки бежали следом и канючили:

– Дядь, а дядь, где пымал? Дядь, а дядь, на што клюнуло?

Дед Десять процентов пощёлкал линия по золотым твёрдым жабрам и засмеялся:

– Ну, теперь бабы языки подождут! А то у них всё хаханьки да хихоньки. Теперя дело иное, серьёзное.

С тех пор мы перестали обходить баб. Мы шли прямо на них, и они нам ласково кричали:

– Ловить вам не переловить! Не грех бы и нам рыбки принести.

Так восторжествовала справедливость.

Последний чёрт

Дед ходил за дикой малиной на Глухое озеро и вернулся с перекошенным от страха лицом. Он долго кричал по деревне, что на озере завелись черти. В доказательство дед показывал порванные штаны: чёрт якобы клюнул деда в ногу, порвал рядно и набил на колене большую ссадину.

Деду никто не верил. Даже сердитые старухи шамкали, что у чертей отродясь не было клювов, что черти в озёрах не водятся и, наконец, что после революции чертей вообще нет и быть не может – их извели до последнего корня.

Но всё же старухи перестали ходить к Глухому озеру за ягодами. Им стыдно было признаться, что на семнадцатом году революции они боятся чертей, и потому в ответ на упрёки старухи отвечали нараспев, пряча глаза:

– И-и-и, милый, ягод нынче нетути даже на Глухом озере. Отродясь такого пустого лета не случалось. Сам посуди: зачем нам зря ходить?

Деду не верили ещё и потому, что он был чужак и неудачник. Звали деда Десять процентов. Кличка эта была для нас непонятна.

– За то меня так кличут, милок, – объяснил однажды дед, – что во мне всего десять процентов прежней силы осталось. Свинья меня задрала. Ну и была ж свинья – прямо лев! Как выйдет на улицу, хрюкнет – кругом пусто! Бабы хватают ребят, кидают в избу. Мужики выходят на двор не иначе как с вилами, а которые робкие, те и вовсе не выходят. Прямо война! Крепко дралась та свинья. Ты слухай, что дальше было. Залезла та свинья ко мне в избу, сопит, зыркает на меня злым глазом. Я её, конечно, ткнул костылём: иди, мол, милая, к лешему, ну тебя! Тут оно и поднялось! Тут она на меня и кинулась! Сшибла меня с ног; я лежу, кричу в голос, а она меня рвёт, она меня терзает! Васька Жуков кричит: «Давай пожарную машину, будем её водой отгонять, потому ныне убивать свиней запрещено!» Народ толчётся, голосит,

а она меня рвёт, она меня терзает! Насилу мужики меня цепами от неё отбили. В больнице я лежал. Доктор прямо удивился. «От тебя, – говорит, – Митрий, по медицинской видимости, осталось не боле как десять процентов». Теперь так и перебиваюсь на эти проценты. Вот оно как, милоч! А свинью ту убили разрывной пулей: иная её не брала.

Вечером мы позвали деда к себе – расспросить о чёрте. Пыль и запах парного молока висели над деревенскими улицами – с лесных полян пригнали коров, женщины кричали у калиток заунывно и ласково, скликая телят:

– Тялуш, тялуш, тялуш!

Дед рассказал, что чёрта он встретил на протоке, у самого озера. Там он кинулся на деда и так долбанул клювом, что дед упал в кусты малины, завизжал не своим голосом, а потом вскочил и бежал до самого Горелого болота.

– Чуть сердце не хрястнуло. Вот какая получилась завёртка!

– А какой из себя этот чёрт?

Дед заскрёб затылок.

– Ну, вроде птица, – сказал он нерешительно. – Голос вредный, сиплый, будто с простуды. Птица не птица – пёс его разберёт.

– Не сходить ли нам на Глухое озеро? Всё-таки любопытно, – сказал Рувим, когда дед ушёл, попив чаю с баранками.

– Тут что-то есть, – ответил я.

Мы вышли на следующий день. Я взял двустволку.

На Глухое озеро мы шли впервые и потому прихватили с собой провожатым деда. Он сначала отказывался, ссылаясь на свои «десять процентов», потом согласился, но попросил, чтобы ему за это в колхозе выписали два трудодня. Председатель колхоза, комсомолец Лёня Рыжов, рассмеялся:

– Там видно будет! Ежели ты у баб этой экспедицией дурь из головы выбьешь, тогда выпишу. А пока шагай!

И дед, благословись, зашагал. В дороге он о чёрте рассказывал неохотно, больше помалкивал.

– А он ест что-нибудь, чёрт? – спрашивал Рувим.

– Надо полагать, рыбкой помаленьку питается, по земле лазит, ягоды жрёт, – говорил дед. – Ему тоже промышлять чем-нибудь надо, даром что нечистая сила.

– А он чёрный?

– Поглядишь – увидишь, – отвечал загадочно дед. – Каким прикинется, таким себя и покажет.

Весь день мы шли сосновыми лесами. Шли без дорог, перебирались через сухие болота – мшары, где нога тонула по колено в сухих коричневых мхах, слушали тонкое посвистывание птиц.

Жара густо настаивалась в хвое. Кричали медведки. На сухих полянах из-под ног дождём сыпались кузнечики. Устало никла трава, пахло горячей сосновой корой и сухой земляникой. В небе над верхушками сосен неподвижно висели ястребы.

Жара измучила нас. Лес был накалён, сух, и казалось, что

он тихо тлеет от солнечного зноя. Даже как будто попахивало гарью. Мы не курили – боялись, что от первой же спички лес вспыхнет и затрещит, как сухой можжевельник, и белый дым лениво поползёт к жёлтому солнцу.

Мы отдыхали в густых чащах осин и берёз, пробирались через заросли на сырые места и дышали грибным, прелым запахом травы и корней. Мы долго лежали на привалах и слушали, как шумят океанским прибоем вершины сосен, – высоко над головой дул медленный летний ветер. Он был, должно быть, очень горяч.

Только к закату мы вышли на берег озера. Безмолвная ночь осторожно надвигалась на леса глухой синевой. Едва заметно, будто капли серебряной воды, блестели первые звёзды. Утки с тяжёлым свистом летели на ночлег. Озеро, замкнутое поясом непроходимых зарослей, поблёскивало внизу. По чёрной воде расплывались широкие круги – играла на закате рыба. Ночь начиналась над лесным краем, долгие сумерки густели в чащах, и только костёр трещал и разгорался, нарушая лесную тишину.

Дед сидел у костра.

– Ну, где же твой чёрт, Митрий? – спросил я.

– Тама... – Дед неопределённо махнул рукой в заросли осинника. – Куда рвёшься? Утром искать будем. Нынче дело ночное, тёмное, погодить надо.

На рассвете я проснулся. С сосен капал тёплый туман. Дед сидел у костра и торопливо крестился. Мокрая его борода

мелко дрожала.

– Ты чего, дед? – спросил я.

– Доходишься с вами до погибели! – пробормотал дед. – Слышь, кричит, анафема! Слышь? Буди всех!

Я прислушался. Спросенок ударила в озере рыба, потом пронёсся пронзительный и яростный крик.

«Уэк! – кричал кто-то. – Уэк! Уэк!»

В темноте началась возня. Что-то живое тяжело забилось в воде, и снова злой голос прокричал с торжеством: «Уэк! Уэк!»

– Спаси, владычица Троеручица! – бормотал, запинаясь, дед. – Слышь, как зубами клацает? Дёрнуло меня с вами сюды переться, старого дурака!

С озера долетали странное щёлканье и деревянный стук, будто там дрались палками мальчишки.

Я растолкал Рувима. Он проснулся и сказал испуганно:

– Надо ловить!

Я взял ружьё.

– Ну, – сказал дед, – действуйте, как желаете. Я знать ничего не знаю! Ещё за вас отвечать доведётся. Ну вас к лешему!

Дед от страха совсем ошалел.

– Иди, стреляй, – бормотал он сердито. – Начальство тоже за это по головке не побалует. Нешто можно в чёрта стрелять? Ишь чего выдумали!

«Уэк!» – отчаянно крикнул чёрт.

Дед натянул на голову армяк и замолк.

Мы поползли к берегу озера. Туман шуршал в траве. Над водой неторопливо подымалось огромное белое солнце.

Я раздвинул кусты волчьей ягоды на берегу, взгляделся в озеро и медленно потянул ружьё:

– Странно... Что за птица, никак не пойму.

Мы осторожно поднялись. На чёрной воде плавала громадная птица. Оперение её переливалось лимонным и розовым цветом. Головы не было видно – она вся, по длинную шею, была под водой.

Мы оцепенели. Птица вытащила из воды маленькую головку, величиной с яйцо, заросшую курчавым пухом. К голове был как будто приклеен громадный клюв с кожаным красным мешком.

– Пеликан! – тихо сказал Рувим. – Это кудрявый пеликан. Я таких знаю.

«Уэк!» – предостерегающе крикнул пеликан и посмотрел на нас красным глазом.

Из пеликаньего клюва торчал хвост толстого окуня. Пеликан тряс шейей, чтобы протолкнуть окуня в желудок.

Тогда я вспомнил о газете – в неё была завёрнута копчёная колбаса. Я бросился к костру, вытряхнул из рюкзака колбасу, расправил засаленную газету и прочёл объявление, набранное жирным шрифтом:

ВО ВРЕМЯ ПЕРЕВОЗКИ ЗВЕРИНЦА ПО УЗКОКОЛЕЙНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ СБЕЖАЛА АФРИКАНСКАЯ ПТИЦА ПЕЛИКАН. ПРИМЕТЫ: ПЕРО РОЗОВОЕ И ЖЁЛТОЕ, БОЛЬШОЙ КЛЮВ С МЕШКОМ ДЛЯ РЫБЫ, НА ГОЛОВЕ ПУХ. ПТИЦА СТАРАЯ, ОЧЕНЬ ЗЛАЯ, НЕ ЛЮБИТ И БЬЁТ ДЕТЕЙ, ВЗРОСЛЫХ ТРОГАЕТ РЕДКО. О НАХОДКЕ СООБЩИТЬ В ЗВЕРИНЕЦ ЗА ПРИЛИЧНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ.

– Ну, – сказал Рувим, – что будем делать? Стрелять жалко, а осенью он подохнет от холода.

– Дед сообщит в зверинец, – ответил я. – И, кстати, получит благодарность.

Мы пошли за дедом. Дед долго не мог понять, в чём дело. Он молчал, моргал глазами и всё скрёб худую грудь. Потом, когда понял, пошёл с опаской на берег смотреть чёрта.

– Вот он, твой леший, – сказал Рувим. – Гляди!

– И-и-и, милай!.. – Дед захихикал. – Да разве я что говорю? Ясное дело – не чёрт. Пущай живёт на воле, рыбку полавливает. А вам спасибо. Ослобонили народ от страха. Теперь девки сюда понапрут за ягодами – только держись! Шалая птица, сроду такой не видал.

Днём мы наловили рыбы и снесли её к костру. Пеликан поспешно вылез на берег и приковылял к нашему привалу. Он посмотрел на деда прищуренным глазом, как будто что-

то стараясь припомнить. Дед задрожал. Но тут пеликан увидел рыбу, разинул клюв, щёлкнул им с деревянным стуком, крикнул «уэк!» и начал отчаянно бить крыльями и притопывать утиной лапой. Со стороны было похоже, будто пеликан качает тяжёлый насос.

От костра полетели угли и искры.

– Чего это он? – испугался дед. – Чумовой, что ли?

– Рыбы просит, – объяснил Рувим.

Мы дали пеликану рыбу. Он проглотил её, но всё же ухитрился мимоходом ущипнуть меня в спину и зашипеть.

Потом он снова начал накачивать крыльями воздух, приседать и топтать ногой – клянчить рыбу.

– Пошёл, пошёл! – ворчал на него дед. – Ишь размахался!

Весь день пеликан бродил вокруг нас, шипел и кричал, но в руки не давался.

К вечеру мы ушли. Пеликан влез на кочку, бил нам вслед крыльями и сердито кричал: «Уэк, уэк!» Вероятно, он был недоволен, что мы бросаем его на озере, и требовал, чтобы мы вернулись.

Через два дня дед поехал в город, нашёл на базарной площади зверинец и рассказал о пеликане. Из города приехал рябой человек и забрал пеликана.

Дед получил от зверинца сорок рублей и купил на них новые штаны.

– Порты у меня – первый сорт! – говорил он и оттягивал штанину. – Об моих портах разговор идёт до самой Рязани.

ни. Сказывают, даже в газетах печатали про эту дуrolомную птицу. Вот она какая, жизнь наша, милоч!

Заячьи лапы

К ветеринару в наше село пришёл с Урженского озера Ваня Малявин и принёс завернутого в рваную ватную куртку маленького тёплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слёз глазами...

– Ты что, одурел? – крикнул ветеринар. – Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец!

– А вы не лаяйтесь, это заяц особенный, – хриплым шёпотом сказал Ваня. – Его дед прислал, велел лечить.

– От чего лечить-то?

– Лапы у него пожжённые.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и прикрикнул вслед:

– Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком – деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слёзы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

– Ты чего, малый? – спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. – Чего вы, сердешные, вдвоём слёзы льёте? Ай случилось что?

– Пожжённый он, дедушкин заяц, – сказал тихо Ваня. – На лесном пожаре лапы себе пожёг, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрётъ.

– Не умрётъ, малый, – прошамкала Анисья. – Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зайца выходить, пушай несёт его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слёзы и пошёл лесами домой, на Урженское озеро. Он не шёл, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошёл стороной, на север, около самого озера. Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашёл по дороге пушистые, покрытые серебряными

мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

– Ты чего, серый? – тихо спросил Ваня. – Ты бы поел.

Заяц молчал.

– Ты бы поел, – повторил Ваня, и голос его задрожал. – Может, пить хочешь?

Заяц повёл рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес – надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы плотных белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по основным стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и побрёл в город. Ваня нёс зайца сзади.

Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и судорожно вздыхал.

Сухой вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летал куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозчичьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед переkre-

стился.

– Не то лошадь, не то невеста – шут их разберёт! – сказал он и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

– Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш, специалист по детским болезням, уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

– Это мне нравится! – сказал аптекарь. – Интересные пациенты завелись в нашем городе! Это мне замечательно нравится!

Он нервно снял пенсне, протёр, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал и топтался. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

– Почтовая улица, три! – вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрёпанную толстую книгу. – Три!

Дед с Ваней добрали до Почтовой улицы как раз вовремя – из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как заспанный силач распрямлял плечи, и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Бесшумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно би-

ли в луга; далеко за Полянами уже горел стог сена, зажжённый ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрёпанная борода деда.

Через минуту Карл Петрович уже сердился.

– Я не ветеринар, – сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. – Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

– Что ребёнок, что заяц – всё одно, – упрямо пробормотал дед. – Всё одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал. Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен, а ты говоришь – бросить!

Ещё через минуту Карл Петрович, старик с седыми взъерошенными бровями, волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда.

Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушёл на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький город, а на третий день к Карлу Петровичу пришёл длинный юноша в фет-

ровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понёс домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

«Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле. При сём остаюсь *Ларион Малявин*».

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно крикали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар. От него окна в избе сразу запотели и звёзды из огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту, лязгал зубами и отскакивал – воевал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенях и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далёкого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне наконец историю о зайце.

В августе дед пошёл охотиться на северный берег озера. Леса стояли сухие, как порох. Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошёл дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идёт прямо на него. Ветер перешёл в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня. Дед был прав: во время урагана огонь шёл со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть настигала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель дед знал, что звери гораздо лучше человека чувствуют, откуда идёт огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то шибко!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед – оба упали от усталости. Дед подобрал зайца и понёс домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

– Да, – сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, – да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

– Чем же ты провинился?

– А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарём и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял всё.

Кот-ворюга

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось наконец установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста.

Это был кот, потерявший всякую совесть, кот – бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал всё: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он

даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры и склевали весь наш запас червей.

Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля всё равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота.

Деревенские мальчишки помогли нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронёсся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукан с окунями.

Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукана; на нём было десять жирных окуней, пойманных на Прорве.

Это было уже не воровство, а грабёж среди бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на берёзу.

Мы начали трясти берёзу. Кот уронил колбасу; она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл.

Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с берёзы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном са-

ду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу.

Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нём только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озёр. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях. Чтобы пройти к берегам озёр, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи жёлтой цветочной пылью.

Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожжённые солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых выходах рыжего кота.

Но наконец кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать.

Но кот не выходил. Он противно выл, выл непрерывно и без всякого утомления.

Прошёл час, два, три... Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Лёнька, сын деревенского сапожника. Лёнька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота.

Лёнька взял шёлковую леску, привязал к ней за хвост пой-

манную днём плотицу и закинул её через лаз в подполье.

Вой прекратился. Мы слышали хруст и хищное щёлканье – кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мёртвой хваткой. Лёнька потащил за леску. Кот отчаянно упирался, но Лёнька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать вкусную рыбу.

Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза.

Лёнька схватил кота за шиворот и поднял над землёй. Мы впервые его рассмотрели как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

– Что же нам с ним делать?

– Выдрать! – сказал я.

– Не поможет, – сказал Лёнька, – у него с детства характер такой.

Кот ждал, зажмурив глаза.

Тогда Рувим неожиданно сказал:

– Надо его накормить как следует!

Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану. Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звёзды зелёными нахальными глазами.

После умывания он долго фыркал и тёрся головой о пол. Это, очевидно, должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрёт себе шерсть на затылке.

Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать.

На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок.

Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склёвывать из тарелок гречневую кашу.

Кот, дрожа от негодования, подкрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол.

Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух, прозванный Горлачом.

Кот нёсся за ним на трёх лапах, а четвёртой, передней, лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри у него от каждого удара что-то бухало и гудело, будто

кот бил по резиновому мячу.

После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошёл.

С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотнёй прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он тёрся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти.

Резиновая лодка

Мы купили для рыбной ловли надувную резиновую лодку.

Купили мы её ещё зимой в Москве и с тех пор не знали покоя. Больше всех волновался Рувим. Ему казалось, что за всю его жизнь ещё не было такой затяжной и скучной весны, что снег нарочно тает очень медленно и что лето будет холодным и ненастным.

Рувим хватался за голову и жаловался на дурные сны. То ему снилось, что большая щука таскает его вместе с резиновой лодкой по озеру и лодка ныряет в воду и вылетает обратно с оглушительным бульканьем, то снился пронзительный разбойничий свист – это из лодки, распоротой корягой, стремительно выходил воздух, – и Рувим, спасаясь, суетливо плыл к берегу и держал в зубах коробку с папиросами.

Страхи прошли только летом, когда мы привезли лодку в деревню и испытали её на мелком месте около Чёртова моста.

Десятки мальчишек плавали около лодки, свистели, хохотали и ныряли, чтобы увидеть лодку снизу.

Лодка спокойно покачивалась, серая и толстая, похожая на черепаху.

Белый мохнатый щенок с чёрными ушами – Мурзик – ла-ял на неё с берега и рыл задними лапами песок.

Это значило, что Мурзик разлаялся не меньше чем на час.

Коровы на лугу подняли головы и все, как по команде, перестали жевать.

Бабы шли через Чёртов мост с кошёлками. Они увидели резиновую лодку, завизжали и заругались на нас:

– Ишь, шальные, что придумали! Народ зря мутитя!

После испытания дед Десять процентов щупал лодку ко-
рвявыми пальцами, нюхал её, ковырял, хлопал по надутым
бортам и сказал с уважением:

– Воздуходувная вещь!

После этих слов лодка была признана всем населением де-
ревни, а рыбаки нам даже завидовали.

Но страхи не прошли. У лодки появился новый враг –
Мурзик.

Мурзик был недогадлив, и потому с ним всегда случались
несчастья: то его жалила оса – и он валялся с визгом по земле
и мял траву, то ему отдавливали лапу, то он, воруя мёд, из-
мазывал им мохнатую морду до самых ушей. К морде прили-
пали листья и куриный пух, и нашему мальчику приходилось
отмывать Мурзика тёплой водой. Но больше всего Мурзик
изводил нас лаем и попытками сгрызть всё, что ему попада-
лось под руку.

Лаял он преимущественно на непонятные вещи: на рыже-
го кота, на самовар, примус и на ходики.

Кот сидел на окне, тщательно мылся и делал вид, что
не слышит назойливого лая. Только одно ухо у него стран-
но дрожало от ненависти и презрения к Мурзику. Иногда

кот взглядывал на щенка ссучающими наглыми глазами, как будто говорил Мурзику: «Отвяжись, а то так тебя двину...»

Тогда Мурзик отскакивал и уже не лаял, а визжал, закрыв глаза.

Кот поворачивался к Мурзику спиной и громко зевал. Всем своим видом он хотел унижить этого дурака. Но Мурзик не унимался.

Грыз Мурзик молча и долго. Изгрызенные и замусоленные вещи он всегда сносил в чулан, где мы их и находили. Так он сгрыз книжку стихов, подтяжки Рувима и замечательный поплавок из иглы дикобраза – я купил его по случаю за три рубля.

Наконец Мурзик добрался до резиновой лодки.

Он долго пытался ухватить её за борт, но лодка была очень туго надута, и зубы скользили. Ухватить было не за что.

Тогда Мурзик полез в лодку и нашёл там единственную вещь, которую можно было сжевать, – резиновую пробку. Ею был заткнут клапан, выпускающий воздух.

Мы в это время пили в саду чай и не подозревали ничего плохого.

Мурзик лёг, зажал пробку между лапами и заворчал – пробка ему начинала нравиться.

Он грыз её долго. Резина не поддавалась. Только через час он её разгрыз, и тогда случилась совершенно страшная и невероятная вещь: густая струя воздуха с рёвом вырвалась из клапана, как вода из пожарного шланга, ударила в морду,

подняла на Мурзике шерсть и подбросила его в воздух.

Мурзик чихнул, взвизгнул и полетел в заросли крапивы, а лодка ещё долго свистела, рычала, и бока её тряслись и худели на глазах.

Куры раскудахтались по всем соседским дворам, а рыжий кот промчался тяжёлым галопом через сад и прыгнул на берёзу. Оттуда он долго смотрел, как булькала странная лодка, выплёвывая толчками последний воздух.

После этого случая Мурзика наказали. Рувим нашлёпал его и привязал к забору.

Мурзик извинялся. Завидев кого-нибудь из нас, он начинал подметать хвостом пыль около забора и виновато поглядывать в глаза. Но мы были непреклонны – хулиганская выходка требовала наказания.

Мы скоро ушли за двадцать километров, на Глухое озеро, но Мурзика не взяли. Когда мы уходили, он долго визжал и плакал на своей верёвке около забора. Нашему мальчику было жаль Мурзика, но он крепился.

На Глухом озере мы пробыли четыре дня.

На третий день ночью я проснулся оттого, что кто-то горячим и шершавым языком вылизывал мои щёки.

Я поднял голову и при свете костра увидел мохнатую, мокрую от слёз Мурзикину морду.

Он визжал от радости, но не забывал извиняться: всё время подметал хвостом сухую хвою по земле. На шее его болтался обрывок разгрызенной верёвки. Он дрожал, в шерсть

его набился мусор, глаза покраснели от усталости и слёз.

Я разбудил всех. Мальчик засмеялся, потом заплакал и опять засмеялся. Мурзик подполз к Рувиму и лизнул его в пятку – в последний раз попросил прощения. Тогда Рувим раскупорил банку тушёной говядины – мы звали её «смакатурой» – и накормил Мурзика. Мурзик сглотал мясо в несколько секунд.

Потом он лёг рядом с мальчиком, засунул морду к нему под мышку, вздохнул и засвистел носом.

Мальчик укрыл Мурзика своим пальто. Во сне Мурзик тяжело вздыхал от усталости и потрясения.

Я думал о том, как, должно быть, страшно было такому маленькому пёсику бежать одному через ночные леса, вынюхивая наши следы, сбиваться с пути, скулить, поджав лапу, слушать плач совы, треск веток и непонятный шум травы и, наконец, мчаться опроретью, прижав уши, когда где-то, на самом краю земли, слышался дрожащий вой волка.

Я понимал испуг и усталость Мурзика. Мне самому приходилось ночевать в лесу без товарищей, и я никогда не забуду первую свою ночь на Безымянном озере.

Был сентябрь. Ветер сбрасывал с берёз мокрые и пахучие листья. Я сидел у костра, и мне казалось, что кто-то стоит за спиной и тяжело смотрит в затылок. Потом в глубине зарослей я услышал явственный треск человеческих шагов по валежнику.

Я встал и, повинувшись необъяснимому и внезапному страху, залил костёр, хотя и знал, что на десятки километров вокруг не было ни души. Я был совсем один в ночных лесах.

Я просидел до рассвета у потухшего костра. В тумане, в осенней сырости над чёрной водой, поднялась кровавая луна, и свет её казался мне зловещим и мёртвым...

Утром мы взяли Мурзика с собой в резиновую лодку.

Он сидел тихо, расставив лапы, искоса поглядывал на клапан, вилял самым кончиком хвоста, но на всякий случай тихо ворчал. Он боялся, что клапан опять выкинет с ним какую-нибудь зверскую штуку.

После этого случая Мурзик быстро привык к лодке и всегда спал в ней.

Однажды рыжий кот залез в лодку и тоже решил там поспать. Мурзик храбро бросился на кота. Кот словчился, ударил Мурзика лапой по ушам и со страшным шипом, будто кто-нибудь плеснул воду на раскалённую сковородку с салом, вылетел из лодки и больше к ней не подходил, хотя ему иногда и очень хотелось поспать в ней. Кот только смотрел на лодку и Мурзика из зарослей лопухов зелёными завистливыми глазами.

Лодка дожила до конца лета. Она не лопнула и ни разу не напоролась на корягу. Рувим торжествовал.

Барсучий нос

Озеро около берегов было засыпано ворохами жёлтых листьев. Их было так много, что мы не могли ловить рыбу. Лески ложились на листья и не тонули.

Приходилось выезжать на старом челне на середину озера, где доцветали кувшинки и голубая вода казалась чёрной, как дёготь. Там мы ловили разноцветных окуней, вытаскивали оловянную плотву и ершей с глазами, похожими на две маленькие луны. Щуки ляскали на нас мелкими, как иглы, зубами.

Стояла осень в солнце и туманах. Сквозь облетевшие леса были видны далёкие облака и синий густой воздух.

По ночам в зарослях вокруг нас шевелились и дрожали низкие звёзды.

У нас на стоянке горел костёр. Мы жгли его весь день и ночь напролёт, чтобы отгонять волков, – они тихо выли по дальним берегам озера. Их беспокоил дым костра и весёлые человеческие крики.

Мы были уверены, что огонь пугает зверей, но однажды вечером в траве, у костра, начал сердито сопеть какой-то зверь. Его не было видно. Он озабоченно бегал вокруг нас, шумел высокой травой, фыркал и сердился, но не высовывал из травы даже ушей. Картошка жарилась на сковороде, от неё шёл острый, вкусный запах, и зверь, очевидно, прибе-

жал на ЭТОТ запах.

С нами пришёл на озеро мальчик. Ему было всего девять лет, но он хорошо переносил ночёвки в лесу и холод осенних рассветов. Гораздо лучше нас, взрослых, он всё замечал и рассказывал. Он был выдумщик, этот мальчик, но мы, взрослые, очень любили его выдумки. Мы никак не могли, да и не хотели доказывать ему, что он говорит неправду. Каждый день он придумывал что-нибудь новое: то он слышал, как шептались рыбы, то видел, как муравьи устроили себе паром через ручей из сосновой коры и паутины и переправлялись при свете ночной, небывалой радуги. Мы делали вид, что ве-

рили ему.

Всё, что окружало нас, казалось необыкновенным: и поздняя луна, блиставшая над чёрными озёрами, и высокие облака, похожие на горы розового снега, и даже привычный морской шум высоких сосен.

Мальчик первый услышал фыркание зверя и зашипел на нас, чтобы мы замолчали. Мы притихли. Мы старались даже не дышать, хотя рука невольно тянулась к двустволке, – кто знает, что это мог быть за зверь!

Через полчаса зверь высунул из травы мокрый чёрный нос, похожий на свиной пяточок. Нос долго нюхал воздух и дрожал от жадности. Потом из травы показалась острая морда с чёрными пронзительными глазками. Наконец показалась полосатая шкурка. Из зарослей вылез маленький барсук. Он поджал лапу и внимательно посмотрел на меня. Потом он брезгливо фыркнул и сделал шаг к картошке.

Она жарилась и шипела, разбрызгивая кипящее сало. Мне хотелось крикнуть зверьку, что он обожжётся, но я опоздал: барсук прыгнул к сковородке и сунул в неё нос...

Запахло палёной кожей. Барсук взвизгнул и с отчаянным воплем бросился обратно в траву. Он бежал и голосил на весь лес, ломал кусты и плевался от негодования и боли.

На озере и в лесу началось смятение: без времени заорали испуганные лягушки, всполошились птицы, и у самого берега, как пушечный выстрел, ударила пудовая щука.

Утром мальчик разбудил меня и рассказал, что он сам

только что видел, как барсук лечит свой обожжённый нос.

Я не поверил. Я сел у костра и спросонок слушал утренние голоса птиц. Вдали посвистывали белохвостые кулики, крикали утки, курлыкали журавли на сухих болотах – мшарах, тихо ворковали горлинки. Мне не хотелось двигаться.

Мальчик тянул меня за руку. Он обиделся. Он хотел дока-

зять мне, что не соврал. Он звал меня пойти посмотреть, как лечится барсук. Я нехотя согласился. Мы осторожно пробрались в чащу, и среди зарослей вереска я увидел гнилой сосновый пень. От него тянуло грибами и йодом.

Около пня, спиной к нам, стоял барсук. Он расковырял пень и засунул в середину пня, в мокрую и холодную труху, обожжённый нос. Он стоял неподвижно и охлаждал свой несчастный нос, а вокруг бегал и фыркал другой маленький барсучок. Он волновался и толкал нашего барсука носом в живот. Наш барсук рычал на него и лягался задними пушистыми лапами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.